

Ираклий АНДРОНИКОВ

О Д Н А С Т Р А Н И Ц А

Гоголем нельзя начитаться. Даже труд-но представить себе человека, который прочел бы его один раз и более к нему не возвращался. По правде сказать, нам было бы жаль такого человека. Повторное чтение великих писателей вообще доставляет огромное наслаждение. Но перечитывать Гоголя—удовольствие еще большее, чем даже читать его в первый раз. Прозу Гоголя хочется запоминать, как стихи, произносить вслух. Делиться с другими, так сказать, не только впечатлениями о прочитанном, но и самым процессом чтения. Многие фразы Гоголя, составляющие целые художественные открытия, мы цитируем, как своеобразные афоризмы. Все помнят, что при въезде в гостиницу Чичиков был встречен трактирным слугою, «живым, и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо». Или сидящего у окна лавочки сбитенщика с лицом, напоминающим самовар из красной меди—«так, что издали можно бы подумать, что на окне стояло два самовара, если б один самовар не был с черною как смоля бороною». Или разве можно забыть разговор двух мужиков: «доедет то колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет?».

Кто не любит вспоминать, как описал Гоголь внешность Чичикова, или, вернее, как он отказался ее описать: «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод».

Но самое во всем этом удивительное, что все эти художественные открытия—и трактирный слуга, и сбитенчик, и разговор мужиков, и описание внешности Чичикова—все это находится на одной и той же странице—в начале первой главы «Мертвых душ».

Раз уж речь зашла об этой странице, следует сказать, что замечательна она и во многих других отношениях. Здесь—в первой же строке—мы знакомимся со знаменитой чичиковской бричкой, которая проезжает потом через всю поэму и в конце первой части подвозит нас к заключительным строкам о птице-тройке, несущейся вперед, мимо всего, что ни есть на земле. Два мира—один, олицетворенный в чичиковской бричке, и другой—в птице-тройке, песней несущейся в будущее,—составляют два плана гоголевской поэмы. Бричка, запряженная тройкой сытых коньков, везущая Чичикова и его крепостную собственность—кучера Селифана и молчаливого лакея Петрушку,—открывает поэму. Птица-тройка—заклучает ее.

Из второй строки мы узнаем, что Чичиков холост и что принадлежит он к господам средней руки—обстоятельства, которые сопутствуют потом ему на протяжении всей поэмы.

Итак, в ворота гостиницы губернского города NN въехала бричка с господином неопределенного вида и неопределенных занятий. «Въезд его,—замечает Гоголь,—не произвел в городе совершенно никакого шума...» Тот, кто не перечитывает Гоголя, естественно, не оценит иронию, скрытую в этих словах. Тот же, кто уже знает, каким шумом сопровождался въезд Чичикова из этого города, невольно улыбнется и еще раз подивится строгой соразмерности всех частей гениальной поэмы: ведь между въездом и выездом Чичикова умещается вся первая часть «Мертвых душ».

Многочисленна каждая фраза! Вспомним опять разговор мужиков, лишний, на первый взгляд всякого смысла: «...что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву, или не до-

едет?» «Доедет»,—ответил другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?». «В Казань не доедет»,—отвечал другой.

О прочности колеса судят крестьяне—люди, понимающие толк в колесах. Разговор этот короткий, потому что профессиональный. Непосвященным в тайны колесного производства он непонятен. Потому-то он и вызывает улыбку. А ведь они правы! Если помните, Чичикову и впрямь понадобилось перед выездом перетягивать шину на колесе и наладивать перед.

Разговор этот заключает в себе и другой—иносказательный—смысл: в бричке Чичикова далеко не уедешь. Так говорит народ.

«...Когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канитасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульской булавкой с бронзовым pistolетом».

Этот молодой человек в поэме больше не появится. Но точность, с какой описан его костюм, определяет весь стиль дальнейшего повествования, в котором второстепенные моменты будут играть первостепенную роль; кроме того, случайный прохожий, описанный с такою подробностью, усиливает впечатление неопределенности черт приезжего господина. Кстати сказать, Гоголь и не торопится знакомить читателя с новоприбывшим. Сперва весьма обстоятельно выписывается внешность слуги, лица которого длинный да еще и в длинном демикотонном сюртуке со спинкой чуть не на самом затылке, что он «проворно» выбежал с салфеткой в руке, «встряхнул волосами» и повел «проворно» господина вверх «по всей деревянной галдарее» показывать «ниспосланный ему богом покой».

Затем следует описание покоя «известного рода», ибо гостиница «была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими как черноты из всех углов, и дверью в соседнее помещение, всегда заставленную комодом, где устраивается сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего».

Больше о нем не будет сказано ни одного слова. Но этот молчаливый согладалый, так же, как и трактир напротив гостиницы, как и «вечная желтая краска», в которую выкрашено здание самой гостиницы (любимый цвет Николая II), выступают, как символы николаевско-бенкендорфовского режима: они выставлены на первой странице, как нотный ключ, в котором надо читать всю поэму.

«Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности». Эта фраза позволяет Гоголю не вдаваться в дальнейшее описание внутренних покоев гостиницы, но ограничиться справкой о фасаде: «она была очень длинна, в два этажа; нижний не был вычеканен и оставался в темнокрасных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе». Словом, ясно, что гостиница и внутри была грязновата.

Все очень обыкновенно в описании Гоголя: и бричка, в каких ездят «отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян»; и гостиница «известного рода», и покой «известного рода», в котором

поместился Чичиков. Во всем обнаруживаются черты самые обыкновенные, самые характерные. И тем не менее нас не оставляет ощущение необыкновенной новизны и, я бы сказал, праздничности гоголевского повествования. Происходит это, конечно, прежде всего, от потрясающей точности гоголевского глаза, от необычайной насыщенности каждой строки. Новизну сообщает обыкновенным вещам и тон—иронически-обстоятельный. И одинаковый интерес, который автор проявляет к явлениям разного масштаба и значимости. Поэтому равнозначными оказываются в изображении и господин в рессорной бричке, и тульская булавка с бронзовым pistolетом, коей заколото манишка губернского франта, и тараканы, и характер соседа, живущего за заставленной комодом дверью. Показанные в одном масштабе, они невольно вызывают улыбку. Гоголь ведь не просто говорит, что комната была с тараканами. Нет, уподобленные черноты, тараканы, если можно так выразиться, представлены читателю. Упомянутый после них молчаливый сосед унижен этой последовательностью. Он выглядит такой же обязательной принадлежностью гостиницы, как и тараканы, выглядывающие из всех углов и словно бы тоже интересующиеся знать «о всех подробностях проезжающего».

Точно так же и тульская булавка на манишке молодого человека, рассмотренная во всех деталях, становится столь же значительной, как и сам молодой человек. Но тем самым молодой человек низводится до размера булавки, да еще не простой, а с претензией—с бронзовым pistolетом самого крошечного размера. Дальше, в тексте поэмы подобные ему молодые люди будут обозваны зубочистками.

Так уже и не сойдет улыбка с лица читателя, пока речь будет идти о губерньском городе, о Чичикове, о светском обществе, об окрестных помещиках, ибо описание всего этого мира будет смысливаться через комические уподобления, через детали, намеренно увеличенные и смещающие привычные представления.

Жизнь губернского города показана уже на первой странице. Он населен людьми разного чина и звания, показан в движении. Едет господин в бричке, у дверей кабака стоят мужики, напротив бородач, торгующий сбитнем, провинциальный щеголь обернулся, придерживая от ветра картуз, слуга выбегаёт навстречу приезжему... Многие из этих подробностей, казалось бы, не имеют никакого отношения ни к «герою», ни к движению событий в книге. Однако стоило бы автору описать только то, что имеет непосредственное отношение к Чичикову, и мы бы узнали лишь о том, что он въехал во двор гостиницы, был встречен трактирным слугою.

Он потому и убедителен—Чичиков,—что представлен на широком фоне помещичьей, крепостнической России и трудовой народной Руси, представлен, как одно из явлений жизни. Именно эта жизнь, показанная в различных аспектах, необыкновенная точность каждой детали, окружающей Чичикова, позволили Гоголю построить образ Чичикова и доказать его достоверность. Потому что Гоголю предстояла труднейшая задача—создание образа, внешний вид которого не соответствовал бы его внутренней сущности. Неопределенная внешность, неопределенный возраст, неопределенный голос, ибо Чичиков, как с удовольствием отметил губернский свет, и говорил «ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует», туманная неопределенность выражений—все это показное любезное

благоприличие, светский стандарт, маска светского человека. Под ней скрыто нутро стяжателя, казнокрада, дерзкого спекулянта, алчного и циничного невежды, которому глубоко враждебно все возвышенное, все человеческое. Никогда еще—до Гоголя—светское лицемерие, которому задавал тон оловянный император Николай I, не было так унижено, так позорно обнажено, как в книге Гоголя, где оно представлено в образе Павла Ивановича Чичикова.

«Мертвые души»—поэма не о Чичикове, а о России. И не только Чичиков, но еще более жизнь страны определяет идейный смысл гоголевской поэмы.

На этом широком фоне и начинается Гоголь развивать образ Чичикова уже с первой страницы. При этом все, что описано в ней—в этой странице, будет и потом играть свою роль в поэме: не только бричка, но и трактирный слуга, и гостиница, и трактир, куда удалятся в один из вечеров Селифан и Петрушка, и комната, куда вводят Чичикова, и сами Селифан и Петрушка, которые появятся на второй странице, и ларчик красного дерева, и даже запах, который притащит с собой Петрушка,—все это получит в поэме свое место и свою роль. Каждая деталь значительна, каждая сообразна в соответствии с целым.

Не случайны и мужики на первой странице.

Всюду, где в дальнейшем ни побывает Чичиков, мы увидим крестьян. И тех, что будут объяснять, как проехать на Маниловку. И босоногую девчонку, которая усядется к Селифану на козлы указывать дорогу. И дядю Митяя с дядей Митяем, что займется выпутыванием лошадей из постромок. И крепостного человека Собакевича, который станет учить, где короче дорога к Плюшкину, и по этому случаю отпустит в его адрес крепкое слово.

Широкая картина трудовой Руси представится Гоголю в перечне купленных Чичиковым умерших и беглых крестьян—в судьбах каретника Михеева, плотника Пробки Степана, кирпичника Милушкина, сапожника Максима Телятникова, Еремея Сорокоплекшина, что в Москве торговал и одного оброку приносил по пятьсот рублей, Абакума Фырова, которого занесло на Волгу, и взлюбил он вольную жизнь, приставши к бурлакам... Выводит Чичиков каллиграфическим почерком имена купленных им «мертвых душ», а мы видим крестьянскую Русь—великих труженников и мастеров, что с топором за поясом да с сапогами на плечах идут по бесконечным дорогам, и где стукнут они топором, вырастают села и города; мчится эта Русь на тройках, в рогажных кибитках, гнется на хлебных пристанях, зацепив крючком на спину девять пудов; лезет, опоясавшись веревкой под церковный купол, а то и на самый крест; сидит по острогам или тащит лямку под одну, бесконечную, как Русь, песню...

Мужики на первой странице не только напутствуют чичиковскую бричку: они начинают в поэме тему крестьянской Руси. Молодой человек с тульской булавкой начинает тему светского общества. Чичиков со своей бричкой—тему приобритательства, тему помещичьего благополучия.

Все линии намечены на первой странице. Никаких вступительных фраз. Никаких описаний, предваряющих или настраивающих читателя. Завязка началась в первой строке. Каждая художественная деталь получает значение в дальнейшем ходе повествования. Каждая оказывается необходимой для развития основных идейных мотивов гениальной гоголевской поэмы. Вот это и есть мастерство!